

Жил до Октябрьской революции, носил пудренный парик, был человек совершенно бесшабашный

культурная политика | СЕРГЕЙ ХОДНЕВ

Сегодня исполняется 250 лет со дня рождения Вольфганга Амадея Моцарта. В России, как в никакой другой стране, образ великого композитора менялся в зависимости от политической ситуации.

В XIX столетии — вроде бы почти современник. Популярный современный композитор, всей Европе известный. Не так давно его, как говорят, отравил Сальери.

А потом наступило неизбежное превращение из фигуры почти осязаемой, живой, человеческой в забронзовевший монумент. Которому, впрочем, каждый придает ровно то значение, какое хочет. То есть если Глинка мог запросто себе позволить негромкие ворчания в адрес Моцарта, то Чайковский (едва ли не главный моцартоман в русской музыке), если желал сказать нечто не совсем похвальное по тому же адресу, рассыпался в оговорках и извинениях. Тут дело даже не в том, был ли на самом деле повод для композиторских упреков, или его не было. Проблема именно в ореоле, которым новоевропейская культура окружила Мо-

царта. Я хочу сказать — массовая культура, потому что и в самом деле нет другого композитора с такой массовой известностью. Есть, безусловно, Бах, но он что-то уж очень возвышенный, ну а Моцарт — он свой, человеческий, жизнелюбивый, веселенький и так далее. Уж что кому нужно от музыки, абсолютным воплощением которой по умолчанию нынешний юбиляр и считается.

Удивительно, чего только не хотели от Моцарта на общественно-государственном уровне. В революционные годы, понятное дело, было не совсем до венских классиков, и тем не менее все мы хорошо помним про трогательную любовь вождя мирового пролетариата к сонатам Бетховена. Моцарту тоже доставалось любви. Первый советский нарком иностранных дел Георгий Чичерин, всю жизнь перед композитором преклонявшийся, написал на склоне лет целую книгу о Моцарте. И вполне тонкую. Немного странно на первый взгляд, но Георгий Васильевич на самом деле революционером был специфическим — револю-

ционером из старинной дворянской семьи и с богатыми литературно-музыкальными интересами. В пору его молодости было, надо признать, немало людей, для которых это был очень даже значительный вопрос: кто же такой Моцарт, носитель аполлонического начала или дионисийского? Или здесь дух музыки произвел из себя очередной синтез?..

Для диктатуры пролетариата это, конечно, малоподобающий круг размышлений. Поэтому с того момента, как класс-гегемон решил не изничтожать классическое музыкальное наследие, Моцарта быстро разъяснили. А что в самом деле неясного? В его музыке мы слышим голос центральноевропейских народных масс конца XVIII столетия, в борьбе обретающих право свое. Она, эта музыка, выразила демократические стремления передовых людей эпохи, отозвалась яростным протестом на засилье крепостничества и феодально-церковной реакции. Товарищ Моцарт был приверженцем светлых, гуманистических идеалов,

которые еще при его жизни двинули народ Франции к революционной борьбе.

А вот Моцарт при Сталине — совсем другой разговор и совсем другие разъяснения. В 30-е годы, как известно, и в Германии Моцарта не сочли дегенеративным, а, напротив, выделили почетное место в пантеоне немецких гениев. У нас тогда же внезапно стали любить Вагнера, а заодно и подспудно поменяли отношения к Моцарту, приспособив их к давнишним представлениям немецких романтиков на сей счет. То есть народные массы — это, безусловно, хорошо, только все же Моцарт — это еще и сияющее величие человеческого духа, и темные душевные глубины (только не путать с реакционными учениями буржуазных «психологов»). На долгие годы одной из популярнейших легенд стала история о спонтанной любви к Моцарту, которая вспыхнула у товарища Сталина, — услышал-де он по радио 23-й фортепианный концерт и потребовал записать. Записи на самом деле не было. Поэтому пришлось ее с истериками, обмороками

и седеющими волосами срочно и тайно изготовлять в течение одной ночи, чтобы на следующий день поднести вождю как ни в чем не бывало. И, мол, когда Сталин умер, на проигрывателе нашли ту самую пластинку.

Впрочем, прежде Моцарт успел побывать борцом против формализма и за народность в музыке. Ведь, конечно же, именно обращением к колоссальному богатству народных мелодий объясняется достоинство лучших его произведений, в отличие от его глубоко реакционных коллег во главе с Сальери.

Особенно развернуться Моцарту пришлось в годы оттепели. Вышло так, что, с одной стороны, ввиду своей несомненной прогрессивности (вывел представителя третьего сословия — Фигаро — в своей опере) он противодействовал пережиткам культа личности со всей его нездоровой художественной политикой. А с другой — сколько богатой пищи духовной! И «Маленькая ночная серенада», и Симфония № 40. И реквием с душераздирающим хо-

ром «Lacrimosa dies illa». И вообще — жил до Октябрьской революции, носил пудренный парик, был человек совершенно бесшабашный и даже, страшно сказать, неформальный какой-то. Почти Высоцкий, почти Окуджава.

А тут осторожно подкралась глобализация. Пока в 70-е отечественное общество успокоилось на образе Моцарта по-пионерски юного, непоседливого и бездумного, мировая масскультура подбиралась к своему установочному высказыванию на тему Моцарта, которым, разумеется стала сначала пьеса Петера Шафера «Амадей», а затем и одноименный фильм Милоша Формана. Восемь «Оскаров» — с этим не поспоришь. Теперь к 250-летию сделать композитору ребрендинг будет трудновато. Да и сам он вконец устал от общественно-политической деятельности. Он трудится больше над сочинением мелодий для мобильных телефонов. И нельзя не признать, что эта деятельность немало способствует его известности.

Коммерсантъ - 2006 - 27 янв. - с. 24.

Моцарт В-А